

Сталин: о происхождении и смыслах псевдонима

ПАВЕЛ
ГЛУШАКОВ

Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Он наклонился, как отец,
Над раненым бойцом.
Поцеловал его в глаза
И наградил Звездой.

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

Как грозный дух он был над нами –
Иных не знали мы имен.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Объясняя происхождение псевдонима Иосифа Джугашвили – Сталин (так впервые была подписана его статья «Марксизм и национальный вопрос» в журнале «Просвещение» за 1913 год, вышедшая в номерах 3, 4 и 5), – Вильям Похлебкин поясняет этот выбор следующим образом:

«Когда осенью 1912 г. Коба приехал в Краков, а затем в Вену и стал работать в местных библиотеках... ему попался на глаза листок “Социалист-революционер” № 4 за 1912, издаваемый в Париже правыми эсерами. Там он с удивлением обнаружил статью С. Евгеньева, представляющую собой обзор истории революционного движения на Кавказе... И его память сразу “выдала” автора этой статейки –

Павел Сергеевич Глушаков (р. 1976) – историк литературы (Рига, Латвия). Автор книг «Шукшин и другие» (2018), «Мотив – структура – сюжет» (2020), «Текст – смысл – диалог» (2023), «Фрагменты» (2023).

CASE
STUDY

Евгений Сталинский! Ба! Вот это находка! Вот счастливый случай! Коба не был чужд мистике чисел, как и всякий восточный человек. Он сразу же сопоставил: 1879–1889–1912 гг.¹ – какое совпадение юбилейных дат! Ведь это же буквально “перст божий” указывает ему, как решить вопрос со своим будущим псевдонимом! Его острый взор сразу же отсекает ненужное и опошленное бундовцами окончание “ский”, засек двуслоговость оставшегося корня “Сталин” и с удовлетворением отметил, что его смысл, строгая форма и русское обличье вполне отвечают тому, что он ищет»².

Это не лишенное изобретательности, но, кажется, слишком сложное и экзотическое предположение имеет свой резон: псевдоним носит именно литературно-публицистический характер, и даже источник, откуда почерпнута информация – газета «Социалист-революционер», – назван определенно. Только статья, как представляется, иная – ленинская.

В 26-м номере «Социалиста-революционера» (от 8 мая 1912 года) напечатана работа Ленина «Памяти Герцена», в которой есть обширная цитата из сочинения Александра Герцена «Концы и начала» (1862):

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчевых, бесчисленное количество “пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников”, да прекраснодушных Маниловых. “И между ними, – писал Герцен, – развились люди 14 декабря³, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия”»⁴.

Характеристики, данные Герценом «фаланге героев», в высшей степени торжественны⁵, судьбоносны и заманчивы, особенно для молодого революционера, который еще присматривается к своему жизненному идеалу и прислушивается к суждению та-

1 1879 год – рождение Джугашвили, 1889-й и 1912-й – юбилеи поэмы «Витязь в тигровой шкуре», написанной между 1189-м и 1212 годами.

2 Похлебкин В.В. *Великий псевдоним*. М.: Юдит, 1996. С. 88–89; см. также размышление об истоках происхождения псевдонима из комплекса мотивов кавказской мифологии: Вайскопф М. *Писатель Сталин*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 193–198.

3 Близость этой даты ко дню рождению самого Сталина могла иметь для него символическое значение.

4 Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 21. С. 255.

5 «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; – учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; – учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (Там же. С. 262).

кого авторитета, как Ленин. Образ одного из *богатырей, воина-сподвижника* своего старшего товарища, человека из *чистой стали* не мог не тронуть сердца Иосифа, ставшего именоваться теперь Сталиным. Любопытно, что Роберт Такер в своей работе вплотную подошел к тому же объяснению происхождения псевдонима будущего вождя, который, с его точки зрения, явился символом инициации грузинского революционера в русскую нацию:

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

«Вслед за осознанием самого себя как революционера, сторонника Ленина и члена “истинно русской” фракции, пришло ощущение принадлежности к русской нации. Возможно, поэтому он избрал партийной кличкой фамилию Иванович, под которой участвовал в партийных съездах в Стокгольме (1906) и Лондоне (1907). Выбирая в качестве псевдонима фамилию Сталин (под которой он приобрел широкую известность), Джугашвили, несомненно, понимал, что она не только ассоциировалась с представлением о человеке из стали и напоминала фамилию Ленин, но и звучала совсем по-русски»⁶.

К этому можно добавить, что сочетание *Сталин*, очевидно, ориентировано на аналогичное *Ленин*: три звука из шести пришли из фонетики ленинского псевдонима. Но тут же, кажется, заложена – осознанно или нет – некоторая «модельность»: псевдоним Ульянова в звуковом своем оформлении несомненно «мягкий», «женский»⁷ (от женского ли имени, названия ли реки – все равно), псевдоним, выбранный Иосифом Джугашвили, чуть тверже (что объяснимо чисто орфоэпическими особенностями грузинской речи), но в опорном звуке – [л] – так же мягок.

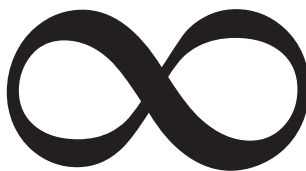
В отличие от Ульянова-Ленина, Сталин никогда не удваивал свою фамилию: Джугашвили-Сталин – невозможное сочетание. Это объяснимо как идеологически (уже отмеченный полный переход к «нации большинства»), так и эстетически: химери-

6 ТАКЕР Р. *Сталин: путь к власти. 1879–1929. История и личность*. М.: Прогресс, 1990. С. 135.

7 Даже в палиндромическом своем варианте «Ленин» дает женское имя – Нинел(ь). Развитие (безусловно, ненамеренное) этой линии размывания гендерных основ Ленина в связи этого имени с именем Сталина находим в тексте, рекомендованном для детского заучивания – «Два сокола» (стихотворение обозначено как «народная украинская песня», – что, видимо, должно было снять возникающие в сознании читателей вопросы; между тем слова этой «песни» принадлежат Михаилу Исаковскому, цит. по: ПЕРЛИН Г., ГРОЗДОВА Е. *Сборник стихов для детей дошкольного возраста*. М.: Учпедгиз, 1940. С. 56). Здесь мы уже видим семейную пару соколов и их детей-соколят:

На дубу зеленом
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол – Ленин,
Второй сокол – Сталин,
Первый сокол – Ленин,
Второй сокол – Сталин,

Возле них кружились
Соколята стаей.
Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался:
– Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться, –
Все труды-заботы
На тебя ложатся.

ческое сочетание грузинского и русского в двойной фамилии рождало бы нежелательный комический эффект (который преодолевается в фамилии Ульянова-Ленина фактически двойным русским: от Ульяны и Лены, а также все тем же мягким [л], придающим сочетанию эффект фонетического эха и ритма).

При этом вождь не отказывался от своей настоящей фамилии там, где вступал в «диалогические отношения» с другим носителем псевдонима. Так, при встрече с таджикско-узбекским писателем Садриддином Айни тот представился своим настоящим именем, и Сталин тотчас ответил: «Будем знакомы, Джугашвили»⁸. Эта сценка не только показывает сталинский юмор, но и подвижность прагматических установок Сталина, довольно эластично относившегося к употреблению псевдонима и отказу от него в – так сказать – частных условиях неформального общения с теми, кого он так или иначе считал достойными такого собеседования. В данном случае Сталин принимал «национального классика», который был в чем-то похож на него своим *вхождением* в большую советскую среду и потому вызывал сочувствие и симпатию.

В иных, теперь уже официальных, условиях Сталина раздражала даже попытка раскрытия творческого псевдонима там, где сам автор не хотел бы этого делать. Даже во времена «борьбы с безродным космополитизмом» (когда раскрытие псевдонима стало орудием в борьбе с «засильем» еврейских авторов) Сталин недвусмысленно протестовал против этого:

«Когда начали обсуждать роман Ореста Мальцева “Югославская трагедия”, Сталин задал вопрос:

– Почему Мальцев, а в скобках стоит Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается? Зачем пишется двойная фамилия? Если человек избрал себе литературный псевдоним – это его право, не будем уже говорить ни о чем другом, просто об элементарном приличии. Человек имеет право писать под тем псевдонимом, который он себе избрал. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо? Человека надо писать под той фамилией, под которой он себя пишет сам. Человек хочет иметь псевдоним. Он себя ощущает так, как это для него самого естественно. Зачем же его тянуть, тащить назад?»⁹

Думается, раздражение вождя вызвало еще и другое обстоятельство: раскрытие псевдонима было неприятно ему самому из-за уже отмеченного его перехода в особый национальный

⁸ Сарнов Б. *Сталин и писатели: книга третья*. М.: Эксмо, 2009. С. 243.

⁹ Симонов К.М. *Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине*. М.: Книга, 1990. С. 188.

статус. Кроме того, развернутая кампания была неприятна и ему лично из-за тех обобщений, которые делались в выступлениях наиболее активных погромщиков. Так, в споре Михаила Бубенного и Константина Симонова вождь поддержал второго, поскольку в установочной статье Бубенного, в частности, говорилось:

«Употребление псевдонимов, то есть вымышленных имен, как явление общественного порядка имеет довольно большую историю. В царской России это явление вызывалось главным образом условиями общественного строя, основанного на насилии и унижении. Очень многие революционеры, общественные деятели, писатели и журналисты демократического направления, боровшиеся против царизма, зачастую работавшие в подполье, были вынуждены самой жизнью, всей обстановкой своей деятельности скрываться за псевдонимами и кличками. У некоторых писателей и деятелей искусства псевдонимы служили или маскировкой от “светского” общества, пренебрегавшего их “недостойной” деятельностью, или выражением их идейной сущности и политической направленности, или несли в себе своеобразный протест против существовавшего строя, а иногда – и мечту о будущем. Наконец, псевдонимами были вынуждены пользоваться представители угнетенных национальностей, которые нередко могли выступать только на русском языке и поэтому брали для себя русские имена и фамилии»¹⁰.

Здесь Сталину могли быть неприятны пассажи об унижении, о приравнивании псевдонима к кличке (животного) и, конечно, акцент на угнетенных национальностях. Когда в завершение своей статьи Бубеннов призвал «навсегда покончить с псевдонимами», Сталин дал санкцию на окончание этой «псевдонимной» дискуссии.

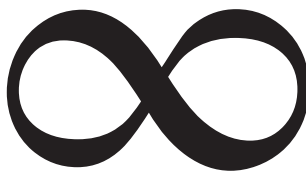
Далее: в прагматике революционной действительности псевдоним был нужен еще и в конспиративных целях¹¹: он замещал собой истинное лицо с его реальными приметам, будучи одновременно кратким, четким, запоминающимся. Псевдоним должен был уберечь от двусмысленности, «ослышек» и ошибок: в этих новых фамилиях вождей невозможно сделать грамматических ошибок (все «политические анекдоты» о фатальных опечатках в имени вождя так и остались «идеологическими байками»).

10 БУБЕННОВ М. *Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?* // Комсомольская правда. 1951. 27 февраля.

11 Во время Великой Отечественной войны нужда в псевдонимах вернулась, и Сталин избрал себе нейтральную фамилию – Васильев. Однако сам вождь постоянно, как об этом свидетельствуют документы, расширял свой и чужие псевдонимы: «Товарищу Константинову (Г.К. Жукову) передаются Вам соображения Михайлова (А.М. Василевского). Сообщите Ваши мнения. Из телеграммы Михайлова не видна роль 57-й армии в общем наступлении для ликвидации окруженного противника. После разговора с Михайловым выяснилось, что 57-я армия будет действовать из района Ракитино, Кравцов и Цыбенко в общем направлении на совхоз Горная Поляна и Балка Песчаная... Васильев (Сталин)» (Волкогонов Д.А. *Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. М.: Издательство АПН, 1989. Кн. II. Ч. 1. С. 290–291*). Эта телеграмма говорит о том, что, в конечном счете, основной псевдоним как бы вытеснял временный.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

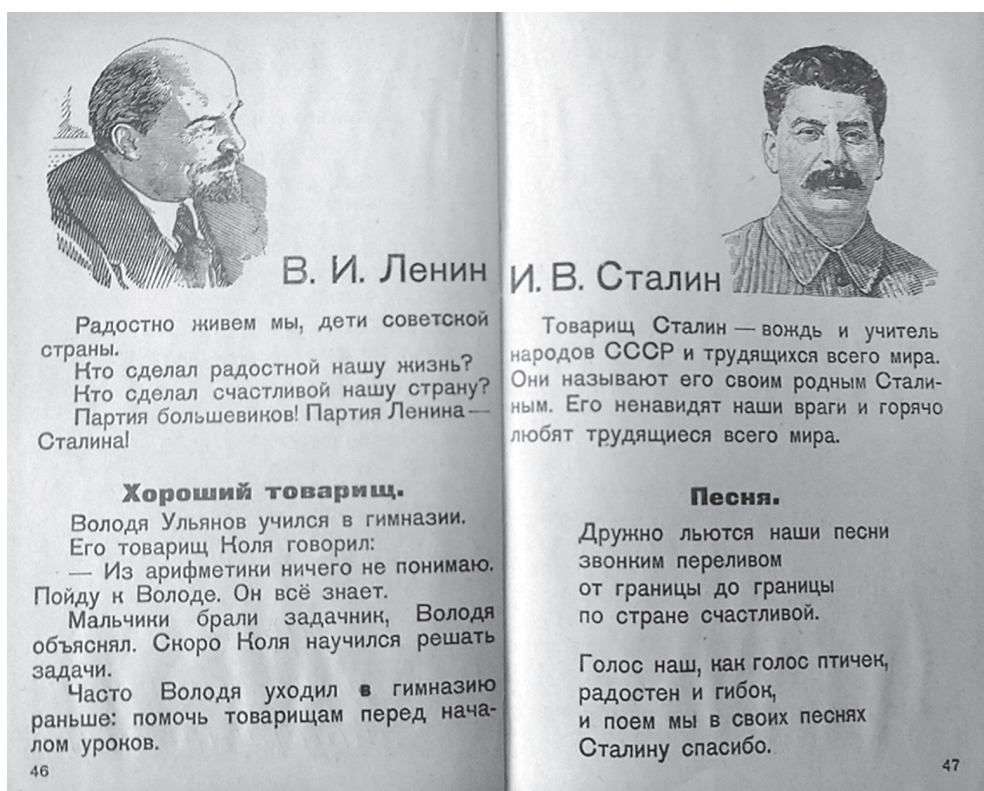
СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ
СТАЛИН: О ПРОИСХОЖ-
ДЕНИИ И СМЫСЛАХ
ПСЕВДОНИМА

Между тем в избранном Джугашвили псевдониме есть и некоторый контрапункт к псевдониму Ленин: если первый образован от сугубо антропологической основы (имени человека), то второй от искусственного сплава. Сталь не встречается в природе, она получается в процессе соединения железа и углерода. Сталь утилитарна, используется для создания конструкций и механизмов, и потому ценится ее прочность, несгибаемость.

Этот комплекс семиотических контрапунктов закладывался уже с первого класса школы¹². В букварях сталинского времени Ленин выступал в роли «добротого старичка», тогда как Сталин – несгибаемый и прямой вождь. Достигалось это как вербально (прямой номинацией), так и визуально. На развороте букваря 1937 года¹³ мы видим двух вождей (илл. 1).

Илл. 1. Разворот букваря 1937 года с портретами Ленина и Сталина.

Однако фигура Ленина повернута к располагающейся на другой странице фигуре Сталина так, что создается впечатление, что первый смотрит на второго, тогда как Сталин непо-

12 Рисунки на детских кубиках, из которых малыши учатся составлять первые слова, конечно же, учитывали политический климат своего времени. Так, на кубиках предвоенного времени на рисунке к букве «л» изображалась лампочка («лампочка Ильича»), а на рисунке к букве «с» — силач или слон. Однако уже в 1955 году комплект кубиков предлагал детям ассоциировать букву «с» с собакой.

13 Головин Н. М. *Букварь*. М.: Учпедгиз, 1937. С. 46–47.

средственно взирает на читателей букваря. О Ленине, собственно, почти ничего не сообщается, он упомянут исключительно в связке со Сталиным¹⁴. История «Хороший товарищ» подхвачена началом текста на второй странице: «Товарищ Сталин...» – тем самым читатели букваря уже заранее проникаются симпатией к «хорошему товарищу Сталину».

Наконец, псевдоним Сталина с течением времени стал так привычен, что окончательно вытеснил настоящую фамилию и при этом прочно объединил новые имена Ульянова и Джугашвили: теперь *Ленин* и *Сталин* сами уже стали как бы псевдонимом в третьей степени. Даже надпись над входом в мавзолей была недолгое время двойной: Ленин и ниже Сталин, что могло быть прочитано уже как общее имя двух вождей. Такое объединение было подготовляемо лозунгами и призывами; например, пионерский призыв: «К борьбе за дело Ленина–Сталина будь готов!». Эту новую химеру увековечил в стихах Демьян Бедный:

Ленин – Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог.

Путь грядущих поколений
Этим словом освещен.
Всенародный мудрый гений
В этом слове воплощен.

С ним, прославленным всесветно,
Трудовой и боевой
Мы – отважно, беззаветно! –
Совершаем подвиг свой.

Это слово всюду с нами,
Вдохновитель всех побед.
Это слово – наше знамя,
Клятва наша и обет!

Ленин – Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог!¹⁵

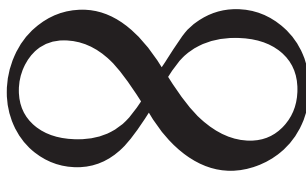
Демьян Бедный предлагает свой новый термин – *двуединое слово* – для обозначения нового феномена: «воплощения» Ле-

14 Нельзя представить себе такого непосредственного упоминания Сталина, какое широко практиковалось по отношению к Ленину, – «маленький Володя». Выражение «маленький Йося» было бы неуместным, если не опасным.

15 *Стихи о Вожде*. М.: Правда, 1949. С. 4.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

нина и Сталина в сплаве нового *общего* вождя. Как мы стремились показать, это не было лишь фантазией официозного стихотворца, а явилось реализацией тех смыслов, которые были заложены в псевдонимах вождей. *Неслиянность* и *нераздельность* Ленина и Сталина, правда, не прижилась, уступив место другому двуединому сочетанию¹⁶, построенному по такому же структурному принципу: *марксизм-ленинизм* стал основой всей идеологической жизни страны в течение многих еще десятилетий. Против такого двуединства в поэме «По праву памяти» протестовал Александр Твардовский:

И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали.
Как будто суть была одна¹⁷.

Поэт усматривал в этом подчинении одну основу – страх, который внушался со школьных лет: неслучайно в номинации «учитель» адепты вождя отдельно выделяли именно категории «дисциплинированности» всех одному.

Имя Сталина часто писалось так, чтобы каждая буква была прописной – СТАЛИН. Это не только бросается в глаза, выделяет его из текста, но и придает псевдониму статус конституционного юридического понятия, которое родственно названию страны – СССР. В бюллетенях для голосования фамилия кандидата в депутаты также вписывалась подобным образом, а отражение этого можно видеть, например, в стихотворении Исаковского:

И потому я с радостью большою,
друзья мои, заветной даты жду.
И потому всем сердцем и душою
голосовать за СТАЛИНА пойду¹⁸.

Эта особенность присутствует и в официальных указах о награждении; например, когда к 70-летию вождь был удостоен высшего советского ордена, то текст указа выглядел так: «В связи с семидесятилетием со дня рождения [...] товарища И.В. СТАЛИНА [...] наградить товарища Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА орденом ЛЕНИНА»¹⁹.

Псевдоним отделен здесь от «обычных» имени и отчества; к тому же в официальных документах такого рода указывались

16 Правда, в советской практике *двуединство* могло получать и негативные коннотации: «вейсманнизм-морганизм» и другие.

17 Твардовский А.Т. *Поэмы*. М.: Книжная палата, 1987. С. 330.

18 Исаковский М. *Избранное*. М.: ГИХЛ, 1950. С. 23.

19 Литературная газета. 1949. 21 декабря. № 102(2589). С. 1. Интересен некоторый сдвиг смысла этой формулировки: получается, что человек по фамилии Сталин награждается орденом в честь семидесятилетия И.В. Сталина. Да еще и награждается орденом Ленина, то есть орденом, принадлежащим Ленину.

настоящие фамилии награждаемых, а их псевдонимы (у писателей и актеров например) давались в скобках. Настоящая фамилия вождя окончательно была вытеснена его псевдонимом, подчеркивая, что перед нами – *иной* человек, у которого полностью завершен процесс «перехода» из Савла в Павла. Происходит процесс, обратный номинации: имя превращается в слово, то есть расширяет свои границы, включает в себя практически весь язык, а значит – мир вокруг. Процесс этот не новый, самая близкая параллель ему – «Пушкинскому Дому» Александра Блока, в котором «имя» разрастается до величин природных явлений, преодолевает исторические рамки и пространственные границы:

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке,
Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне²⁰.

Сходно построено открывающее юбилейный номер «Нового мира» за декабрь 1949 года программное стихотворение Алексея Суркова под названием «Имя – знамя»:

СТАЛИН!
Снова,
 снова
 и снова,
в разных концах
 обширной земли,
от наших границ
 вблизи и вдали,
слышится
 это ясное слово. [...]
СТАЛИН –
 это не быть войне!
СТАЛИН –
 это свободно жить!
СТАЛИН –
 это социализм творить!²¹

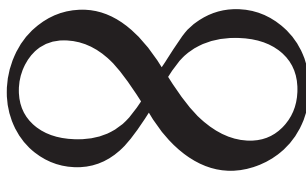
Определения Суркова знаменательны не только уже подмеченной выделенностью сталинского имени прописными буквами, но и определенной грамматической новизной. Имя собст-

20 Блок А. *Стихотворения*. Л.: Советский писатель, 1955. С. 597.

21 Сурков А. *Имя – знамя* // Новый мир. 1949. № 12. С. 3, 5.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

венное поясняется через глагольную форму, через семантику действия. Полученный эффект непривычен, рождает ощущение грамматической неправильности, однако, думается, именно это и было необходимо поэту, по чьей мысли Сталин стал уже не именем, а явлением, которое должно описываться новыми языковыми способами, «новой грамматикой»²².

Последней и высшей формой «псевдонимирования»²³ Сталина можно считать замену его имени на предикаты типа *Вождь* и *Учитель*²⁴, которые также обладают приметами антропонимики. Они пишутся непременно с заглавной буквы, за ними закрепляется только одно имя – Сталина.

- 22 Ср. сходный прием, примененный Сергеем Есениным в «Анне Снегиной»:

Скажи,
Кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
«Он – вы».

- 23 Частным случаем такого явления можно назвать метонимическое выражение, в котором собственно имя Сталина отсутствует, но благодаря устойчивым знакам имени возникает в сознании читателя (АХМАТОВА А.А. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 1. С. 105):

Нам есть, чем гордиться, и есть, что беречь,
И хартия прав, и родимая речь,
И мир, охраняемый нами.
И доблесть народа, и доблесть того,
Кто нам и родней, и дороже всего,
Кто – наше победное знамя!

Если в этом ахматовском тексте имя Сталина «проступает» сквозь выражение «победное знамя», то в стихотворении Самуила Маршак «Давно стихами говорит Нева» (1945) имя Ленина «восстанавливается» на еще более изощренном текстовом материале: не названный ленинградский вокзал обретает название в связке с «финляндскими скалами» – и только затем собирает воедино эту шараду (цит. по: МАРШАК С.Я. *Стихотворения и поэмы.* Л.: Советский писатель, 1973. С. 47):

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне в сотый раз подробно рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

И хотя все подобные ухищрения далеки от намеренной «религиозной» сути («Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе»), однако в общем потоке славословий такого рода «нулевые названия» работали и на укрепление псевдорелигиозной мифологии советских вождей. См. также выделение местоимений, связанных с именем Сталина, сходное с таким же сакральным написанием имени Божьего (Софронов А. *Слово Вождя* // Известия. 1945. 11 мая):

В июльское утро здесь зноем дышали
Бетон и железо на желтом вокзале;
В теплушке мы голос ЕГО услышали,
Тревожно-спокойный, с раскатами стали, –
Он к нам обращался и – слушал народ.

- 24 Предложенное Ахматовой альтернативное сочетание не прижилось (стихотворение «21 декабря 1949 года»):

В день новолетия учителя и друга
Песнь светлой благодарности поют –
Пускай вокруг неистовствует вьюга
Или фиалки горные цветут.

Мне большего счастья не знать вовек –
Я голос ему отдам!
Я судьбы Карелии дорогой
Вверю его рукам.

Везде – на озерах земли родной,
В дремучей чаще лесной –
Нам имя его, словно луч зари,
Рассеявший мрак ночной.

То – имя Учителя и Вождя,
Чей взор проникает вдаль,
Чей разум-надежда людей труда,
А воля тверда, как сталь.

То – имя того, кем прекрасный путь
В грядущее озарен,
Кто мудрую книгу народу дал,
Кто дал Основной Закон!²⁵

В этом стихотворении Тобиаса Гуттари Сталин становится чуть ли не новым Моисеем, дарующим людям Тору. Происходит размывание личностной модели человека, перевод его в религиозные координаты – равные замене имени Иисуса на Господь и Спаситель. Эта тенденция уловлена даже Хрущевым в его речи на XX съезде партии:

«После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет»²⁶.

Псевдоним *Сталин* был выбран весьма удачно: это слово включает целый пучок потенциальных смыслов, которые так или иначе раскрывались мастерами этого дела на протяжении жизни его обладателя. И все же высшим проявлением изобретательности нужно признать стихотворную речь, зачитанную Александром Твардовским в Большом театре на 70-летнем юбилее вождя. «Слово советских писателей к товарищу Сталину» было сочинено Твардовским, Исаковским, Сурковым и Грибачевым – то есть перед нами итог коллективного творчества (поз-

25 Стихи о Вожде. С. 13.

26 Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях». М.: Госполитиздат, 1959. С. 3.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

же Твардовский в составе той же «бригады поэтов» пытался сочинять слова нового гимна СССР). Вот один только фрагмент этого «Слова»:

Спасибо Вам, что Вы нас привели
Из тьмы глухой туда, где свет и счастье,
Что в самый трудный час родной земли
Спасли ее от гибельной напасти,

Что и теперь, когда опять война
Готовится во вражьем злобном стане,
На мир надежда в мире есть одна:
Ей имя – Сталин, Вы, товарищ Сталин²⁷.

Остранение имени от своего носителя достигает здесь апогея. Сталин окончательно отделяется от своей реальной сущности: ему как бы *предъявляют* его же имя как *инобытийное* явление. А отделив, продемонстрировав, тут же торжественно возвращают обратно, соединяют две половинки воедино. Этот магический процесс должен был, видимо, подчеркнуть бессмертие одной из частей (оболочек) имени – той, которая и *после* не прекратит своего существования. Подобный мистический процесс описан Алексеем Лосевым:

«Сущность и ее имя диалектически необходимы и тождественны, и различны – сразу, одновременно и притом *в одном и том же отношении*.

Как вообще “бытие” и “небытие” синтезируются в *становление*, где есть и то, что становится, и это “что” все время есть иное и иное, то есть все время отталкивается от себя и становится небытием, так, в частности, *тождество* сущности с именем синтезируется с их *различием* так, что получается некое новое специфическое *становление*, которое мы называем *энергией сущности*. Энергия сущности есть, таким образом, диалектический синтез тождества и различия между сущностью и именем»²⁸.

Эта «энергия имени», прошедшая путь от сплава железа с углеродом до богоцентризма позднейших «имясловий», и лежит, видимо, в основе порожденных им трагедий: ведь перед нами не имя человека, не его очередная маска и даже не псевдоним – а новая шизоидная сущность, которая иногда пытается даже стать самостоятельной величиной, жить собственной, отличной от реального человека жизнью.

Миф о *таком* Сталине поддерживался и после его смерти. В киноэпопее «Битва за Москву» (1985) во время угрозы взятия Москвы в октябре 1941 года руководители СССР обсуждают

27 Песня о Сталине. М.: Государственное издательство детской литературы, 1950. С. 179.

28 Лосев А. Миф – развернутое магическое имя // Символ. 1992. № XXVIII. С. 223.

эвакуацию из города. На взволнованное предложение Калинина об эвакуации Сталина вождь и учитель многозначительно отвечает: «Я посоветуюсь с товарищем Сталиным» и удаляется прочь, видимо, проводить совещание с самими собой.

Подобные мифы имеют основание в самом сталинском псевдониме: основа данного имени в неэластичности, несгибаемости материала – стали. Этот сплав сугубо земной, даже в каком-то роде хтонический (его элементы добываются в шахтах, под землей), – и в этом смысле он противоположен ленинскому «легкому» имени, которое связывалось с «духом», «полетом», «парением мысли» и прочими метафорами ленинского культа.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

Перед нами не имя человека, не его очередная маска и даже не псевдоним – а новая шизоидная сущность, которая иногда пытается даже стать самостоятельной величиной, жить собственной, отличной от реального человека жизнью.

Когда на XXII съезде партии была инспирирована кампания по выносу тела Сталина из мавзолея, то «подготовленные» выступающие упирали как раз на земную сторону почившего, противопоставляя ему Ленина как «вечно живого». К примеру, выступавший от лица грузинской делегации Гиви Джавахишвили предложил «перенести прах» Сталина в «другое место». То есть делегат уже превратил *тело* бывшего вождя в *пыль*, в *ничто*. Поднявшаяся за ним на трибуну старая большевичка Дора Лазуркина приняла роль коммунистической юродивой. Она поведала, что после встреч с Лениным у нее «вырастали крылья», а вот от Сталина оставалась тяжесть, которая совсем не соответствовала «духу Ленина»: «Она была диссонансом духу Ленина», – дважды повторила Лазуркина и далее резюмировала:

«И я считаю, что нашему прекрасному Владимиру Ильичу, самому человеческому человеку, нельзя быть рядом с тем, кто хотя и имел заслуги в прошлом, до 1934 года, но рядом с Лениным быть не может. [...]

Я всегда в сердце ношу Ильича и всегда, товарищи, в самые трудные минуты, только потому и выжила, что у меня в сердце был Ильич и я с ним советовалась, как быть. (*Аплодисменты*). Вечера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии»²⁹.

29 XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М.: ГИПЛ, 1962. С. 121.

Здесь Сталин поставлен в оппозицию не Ленину, а «Ильичу» (трижды употреблено именно это слово) как нечеловек – человеку. Неформальное отчество (также иногда использовавшееся в качестве псевдонима) должно было подкрепить близость главного вождя людям и намекнуть на самозванческую природу скомпрометировавшего себя второго вождя.

После XX съезда имя Сталина приобретает завуалированные значения: оно (в отсутствие официальной реабилитации вождя) вынуждено постоянно мимикрировать, а его сторонники иногда прячут Сталина под изображением фигуры иного государственного деятеля, как это, к примеру, случилось в истории с памятником Петру Великому («В ознаменование 300-летия российского флота», 1997) работы Зураба Церетели (илл. 2). Тут сталинский образ, будучи «мерцающим знаком», просвечивает сквозь внешнюю оболочку чужой сущности. Петр изображен стоящим у рулевого колеса со свитком плана преобразований в руке – а ведь это важнейшие элементы сталинской иконографии (илл. 3, 4).

Илл. 2. Памятник Петру Великому работы Зураба Церетели (1997).

Илл. 3, 4. Плакаты со Сталиным.

Протесты против этой скульптуры в конце 1990-х и даже призывы к ее демонтажу были спровоцированы скорее всего не только неприятием эстетических принципов Церетели, но и глубинными причинами, которые проявляются только при перемещении этого памятника в совершенно иной исторический контекст.